

Николай Семёнович Лесков

Домашняя челядь

Николай Семёнович Лесков

Домашняя челядь

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175238*

Аннотация

«В последнее время в петербургских газетах появилось много горячих заявлений о прислуге. Общий тон их таков, что теперь прислуга у нас совсем испортилась, а что прежде она, будто, была гораздо лучше. Всем, кажется, очень неудобно и даже не безопасно жить при нынешней распущенной прислуге, на которую нет надежной управы и которая день ото дня еще все более и более становится небрежнее, дерзче и бесчестнее. Газеты замечают, что служащие люди не знают своего места и стремятся стать выше своего положения...»

Содержание

I	4
II	21

Николай Лесков

Домашняя челядь

Исторические справки

по современному вопросу

«В приказе холопья суда быют челом дворяне и дети боярские на своих холопей».

Акты историч. II, 115.

I

В последнее время в петербургских газетах появилось много горячих заявлений о прислуге. Общий тон их таков, что теперь прислуга у нас совсем испортилась, а что прежде она, будто, была гораздо лучше. Всем, кажется, очень неудобно и даже не безопасно жить при нынешней распущенной прислуге, на которую нет надежной управы и которая день ото дня еще все более и более становится небрежнее, дерзче и бесчестнее. Газеты замечают, что служащие люди не знают своего места и стремятся стать выше своего положения. Мужчины и женщины проникаются такими новыми разорительными и дурными навыками, каких прежде не

было. Кухарки, например, пьют с утра до ночи кофей и носят широчайшие драповые тальмы; лакеи и повара расчесывают капуль а-ля дурак, а горничные стригут челки, посещают театры и маскарады и выходят со двора не иначе, как в шляпах фик-фок на один бок. Чтобы позволить себе такое щегольство и роскошь, им, разумеется, недостаточно заслуженного жалованья и потому служащие люди стремятся иметь посторонние доходы, а когда их нет, – они без большой борьбы обращаются к воровству или «расхищению доверенного их усмотрению хозяйского имущества». Судиться же с ними неприятно, да и мало пользы, так как взять с них по большей части нечего.

Очень понятно, что при таком положении долго жить невозможно, – а что положение это действительно таково, как его представляют газеты – в том, к сожалению, невозможно сомневаться. Прислуга очень многим делает большие неприятности и все действительно желают, чтобы против бесчинства «услуживающих людей» как можно скорее последовали какие-нибудь сильные правительственные постановления. И в правительственной сфере жалобы на нестерпимое бесчинство прислуги, говорят, будто услышаны: газеты заявляют, что на это дело обратил внимание г. министр юстиции и к удовлетворению справедливых желаний общества вскоре же воспоследуют целесообразные распоряжения, в законодательном порядке.

Вмешательство властей в это дело вызывается настоятель-

ною необходимостью, а какой от этого будет результат публике, пока ничего неизвестно. Пишущему эти строки довелось только видеть некоторые предложения и проекты, по поводу которых, может статься, не лишним будет привести некоторые исторические справки.

Сочинители проектов, равно как и некоторые газетные публицисты воздают много похвал старине. Все они пишут, между прочим, будто русская прислуга только теперь испортилась, или что она теперь, по крайней мере, «особенно испортилась», а что прежде когда-то она была, будто бы, прекрасна. А как в публике теперь тоже довольно развит вкус к старине, то и публика охотно верит этому указанию. Таким образом кажется, как будто средство поправить все неудобства у нас под руками: «сттит только поворотить к старому порядку», и опять у нас будут эти «милые пушкинские няни», о которых не раз вспоминали Маркевич и кн. Мещерский, а за нянями появятся и другие преданные слуги, раньше Пушкина описанные в старинных русских романах.

Публицисты в этом направлении достигли своей цели: мало начитанная русская публика им поверила: но если эти публицисты искренни, то о них надо пожалеть, ибо им самим, очевидно, недостает знания дела, о котором они рассуждают. По счастью, это им возможно доказать литературною же справкою, и это сделать необходимо.

Если знать старину и желать говорить правду, то нравы русской прислуги всегда были очень дурны. Пожалуй, встарь они были еще гораздо хуже, чем нынче.

Указывать на «старинных преданных людей», каковые попадались между «русскими няньками», «верными ключницами» и «преданными камердинерами», нечего. Бесспорно, что такие хорошие люди, действительно, бывали, но они встречались не постоянно и не на каждом шагу, как обыкновенное и заурядное явление, а как явления особенные, исключительные или, по крайней мере, довольно редкие. Все особенно хорошее на свете встречалось не часто, но зато, к счастью, никогда совсем и не переводится. И нынче тоже есть очень хорошие слуги и служанки, которые отличаются терпеливостью, преданностью и даже благородством и великодушием. Есть люди, которые бедствуют с своими хозяевами и иногда служат без платы и даже закладывают для хозяев свои собственные вещи. Все это в своем роде исключения или, по крайней мере, редкость в итоге случаев, характеризующих общее положение, на котором законодатель должен основывать свои соображения и делать вывод.

Попытаемся принести выяснению этого дела посильную пользу тем, что попробуем указать ошибочность ссылок на старину.

Мы не станем обращаться к статистике, хотя и она для нас кое-что подготовила. Так, например, огромное число побегов дворовых людей и частые ссылки слуг на поселение по

воле владельцев, сечение мужчин и женщин при съезжих домах и в станových квартирах, и – еще более – убийство господ их слугами могли бы послужить доказательствами, что в доброе старое время господа со своими слугами уживались не ладно. Но мы обратимся не к статистическим сочинениям, а к литературному источнику в другом роде. Обратимся к такой книге, где без всякой предвзятой цели, просто и ясно представлено; каковы были нравы прислуги сто шестьдесят лет тому назад.

Речь идет о переводной книге, в которой обстоятельно изложено все тогдашнее жизневедение и рядом с тем преподаны необходимейшие правила и опытные советы. Универсальная книга эта называется: «Юности честное Зерцало». Она нынче составляет большую библиографическую редкость, а потому, вероятно, известна очень немногим из господ публицистов. Большинству же публики она, конечно, и совсем не известна, а между тем «Зерцало» прекрасно представляет навыки и нравы старинной прислуги и вполне может обличить неведение тех, которые сами верят и других убеждают, будто когда-то прежде сего с прислугой было прекрасно.

Книга «Юности честное Зерцало, или Показание к житейскому обхождению» напечатана в Петербурге в 1719 году, в то время, когда общество русское хранило еще старинные навыки, от которых Петр I-й желал отлучить молодое поко-

ление в благородном классе дворянства. «Зерцало» заботится о домашнем этикете, а как невоспитанные дети того времени были особенно досадительны и портили дом и прислугу, то через неуместное якшательство с нею, то чрез безмерную требовательность и грубую жестокость, которою и сами себя повреждали в нравах своих, то «Зерцало» рядом трактует и о нравах детей, и о домашней прислуге. С первой страницы книга внушает отрокам, «которые приехали из чужестранных краев и языков с великим иждивением научились» или «которые в иностранных землях не бывали, а из школы ко двору приняты», – чтобы они тщилися «носом не храпеть и глазами не моргать и ниже шею и плечи из повадки не трясти, руками не хватать и не колобродить; от неравных побратенств держаться и дурацким шуткам не заобычиваться, и на свадьбы и танцы незвану не приходить, ибо хотя то жены и охотно видят, однако ж свободные люди не всегда тому рады бывают». У себя дома воспитанные отроки должны – «отца и мать в великой чести содержать, и когда родители их позовут, отвечать тотчас как голос послышат, и потом сказать: что изволите, государь батюшка или государыня матушка, а не дерзостно – што? как? чево? – и не с смехом якобы их презирая». – «Слушать их слов, что им приказано от родителей бывает, шляпу в руках держать, и пред ними не вздевать и возле них не садиться, и при них в окно телом не выглядывать, но все потаенным образом с великим почтением делать – не с ними в ряд, а немножко уступи позади их *сто-*

ать подобно яко паж некоторый или слуга».

Отсюда очевиден и ясен дух книги – это дух нравоучительный и хотя уже смягченный сравнительно с Домостроем, но все еще довольно строгий. Отроки должны держаться «как слуги», но чтобы и сами они с слугами были не крикливы и не дерзки. Теперь посмотрим, каковы же тогда были слуги.

Книга, заступающаяся за слуг, чтобы их не обижали, свидетельствует, что слуги тогда были ленивы, сварливы и беспотковны.

Отроки «должны от челядинцев *просительным образом требовать*, разве что (кроме тех случаев, если) у кого (из детей) особливые слуги (есть), которые одному ему подвержены бывают, для того, что *обычно челядинцы не двум господам и господам, но токмо одному господину охотно служат*». (Сколько детей, столько бывало для них и особых челядинцев, – каждому по особому слуге.) От этого слугам было не трудно; но как их зато было много, то «часто происходят ссоры и великие бывают между ними мятежи в доме так, что сами не опознают, чтт кому делать надлежит».

Следовательно, чтобы теперь подражать старине, надо будет и в нынешнее время дать каждому господскому отроку по особливому слуге, чтобы он, как говорилось, «за ними ходил» и ничего больше не делал. Тогда только слуга хорошо уходит «за одним»; но возможно ли это теперь, когда по газетам ищут «одну прислугу со стиркою на малое семейство»

из двух или трех душ? А кроме того, как от приставления ко всякому делу особого слуги набиралось много слуг, а от них происходили ссоры и бывали великие мятежи, то может ли это быть желательно и будет ли это теперь удобно?

Через сто шестьдесят лет все положения сильно изменились. Теперь за каждым отроком по особливому слуге ходить не приставляют, и оттого каждому из служащих в доме людей сделалось больше работы, и стало труднее угождать раз несколькими членами хозяйского семейства, между членами которого есть разные характеры и не всегда удовлетворительная воспитанность. «Трудно служить двум господам». Полтора ста лет назад господа входили в это положение и судили о нем «по Писанию». Тогда в это верили и притом имели возможность поступать по вере своей, а теперь люди утверждают на ином и судят иначе. Теперь хозяева берут приклады не от Писания, где сказано, что «неудобно слуге служить двум господам», а ссылаются на то, «как делается за границей». Обыкновенно указывают, что там «один слуга двадцатерым служит». И бесспорно, что за границею это, действительно, так; но те, которые на это ссылаются, к сожалению, не вполне объемлют все домашнее положение за границею. Так, например, они видят, что «за границей один двадцатерым служит»; но не хотят замечать или не хотят помнить, что все двадцать заграничных господ делают сами для себя многое, что у нас поручают прислуге. Там очень многие, между людьми среднего достатка, нанимающими одну *bonne*

pour tout faire, сами опрaвляют свои постели, убирают комнаты, сносят в ящик свои письма, заправляют лампы и даже сами ходят за своею провизиею и многие с удовольствием растапливают зимою свои камины. Тогда *bonne pour tout faire* остается довольно время, чтобы сделать все остальное в домашнем обиходе; но мы так не поступаем, а, напротив, мы беспрестанно командуем; «подай, прими и унеси» то, и другое, и третье, и таким образом мы затрудняем прислугу тем, что вполне легко было бы и самим сделать. А оттого французская *bonne pour tout faire* и наша женщина, служащая в соответственной должности «одной прислуги», находится совсем не в равном положении...

Не говоря о том, что наша женщина, конечно, неуклюжее и тяжелее француженки, – она и не может успеть сделать так же хорошо и своевременно все то, что делает *bonne pour tout faire*. Следовательно, пока заграничное положение еще не подходит к нашим ленивым привычкам, нам нельзя и ожидать, чтобы у нас была такая же сообразительная и много успевающая прислуга, как за границею. Чтобы достичь более удобного заграничного положения, надо несколько иначе жить, а начать это могут только сами господа, от которых зависит меньше бариться.

Десятое правило «Честного Зеркала» учит: оберегаться слуг, как людей дрянных, грубых, нечестных и даже очень опасных по их склонности злословить и клеветать на хозяев.

«С своими или посторонними слугами гораздо не сообщайся», т. е. не фамильярничай. «Если они даже и хороши, то и тогда, все-таки, не во всем им верь, для того, что они *грубы и невежи*, нерассудливы будучи, *не знают держать меры*, но хотят, при случае, выше своего господина вознестися, и на весь свет разглашают, что им поверено было. Того ради смотри прилежно, когда что хочешь о других говорить, опасайся, чтобы при том слуг и служанок не было. А имен не упоминай, а обвиняками говори, чтобы дознаться было не можно, потому что такие люди много приложат и прибавить искусны».

В этом отношении наши современные слуги совершенно таковы же, как и те, которые были за полтора ста лет перед сими, когда общество наше поучалось из «Честного Зеркала». И теперь тот очень неблагоприятно поступает, кто их выспрашивает о господах, у которых они служат. Это портит слуг и всегда может ввести расспрашивающего в большое заблуждение, ибо слуги наши и теперь еще «невежи», «нерассудливы», «не знают меры держать» и, притом, «много приложат и прибавить искусны». Следовательно, полагаться на их сообщения о хозяевах недостойно, — особенно в вещах, превосходящих самые простые понятия. Между тем, это, к сожалению, имело большое место в нашей жизни, особенно во времена тайной канцелярии, которые воспроизведены в безыскусственных, но интересных рассказах Гр. Вас. Есипова.

Неосновательно также думают многие, что вред идет, будто, оттого, что «служанки стали ходить в тальмах и шляпках», а лакеи начали зачесываться «а la дурак». Не в платье дело, и не следует забывать, что нынче уже нет ни шугаев, ни шушунов, ни телогреек, и шляпка теперь стоит дешевле, чем порядочный платок на голову. А если усматривать в шляпках и в тальмах «незнание меры», то есть желание походить на госпожу, то такое же «незнание меры» и в старине указано. И тогда было: «с плеч госпожи норовили шарфы подцеплять и жемчужинами зашпиляться», а мужчины «одевали господские штаны с прехитрым гульфиком».

Если читатель сравнит это с тем, что ныне происходит с тальмами и с шляпками фик-фок на один бок, то он, наверное, без труда убедится, что и встарь, и нынче это было совершенно одно и то же. Непристойный гульфик или капуль, тальма или фик-фок – это все равно: хрен редьки не слаще. Но уж если выбирать между щегольством и неряшеством, то фик-фок и капуль лучше петрушкина «собственного» запаха или вечных обновок, в виде прорванных локтей.

При сем еще хвалителям старины, сетующим на несчастную современность, приходится указать, что певец Капуль, с которого заимствована не одними русскими его прическа, – сам заимствовал эту прическу из *России*. По крайней мере, помнится, будто г. Капуль рассказывал покойному русскому артисту Монахову, что он не выдумал своей удивительной прически, а взял ее с старинных русских послов, изображе-

ния которых видел на старинных гравюрах. Русские щеголи московского периода, действительно, чесались «с чельшком», о чем упоминается с укоризною в *Кормчей*, и это же можно видеть и на полных изучения картинах К. Е. Маковского, и на живых головах московских банщиков и половых. Г. Капуть только немножко изящнее уложил на своей голове это старинное русское «чельшко»; ему стали подражать петербургские щеголи, – сначала из молодых дипломатов и правоведов, а потом это усвоили и приказчики, и лакеи; последним только удалось усовершенствовать эту прическу и довести ее до крайности во вкусе «а la дурак». Таково, собственно, историческое происхождение «капуля». А что касается женской лошадиной «челки», то это тоже не новость. «Челки, или пострижение волос на лбу *для красы*» начесывали себе еще наши прабабушки, и об этих нескромностях с их стороны тоже упоминается в «*Кормчей*» (см. лист 400, на обороте).

Так, вся эта новина совсем и не выходит новиною, а отдает тою самую стародавнюю стариною, в которой иным мнится отыскать наилучшее от всех бед избавление.

Старинные слуги были тоже большие и очень опасные предатели.

Двадцать седьмое правило «Честного Зеркала» учит «всегда между собою говорить иностранными языками, дабы когда что тайное говорить случится, чтобы слуги и служанки дознаться не могли», ибо в то время, как видно из рассказов

Есипова, не пренебрегали, что «можно было от оных болванов распознать».

Не следует забывать, что большому распространению среди русских обычая говорить по-французски в своем собственном семействе в значительной мере содействовало постоянное опасение «оных болванов», через которых «многое было можно распознать».

Сороковое правило учит не подавать прислуге повода быть нехорошею, – для чего, между прочим, надо «не скупиться» и «самим не лгать при случаях». «Зерцало» повествует:

«Хотя в нынешнее время (1719 год) безмерная скупость у многих за обычай принята и оные хотят ее за домодержавство почитать, токмо чтобы денег скопить, но таких люди не мало не почитают». Представляемый в «Зерцале» слуга того времени любил в господине «барственную щедрость», а не мелкое «шляхетское гоношенье». Прислуга «уважала пышность» и, имея роскошного господина, «сему служила охотнее». Далее, – тогдашний слуга «за честь ставил быть при именитом лице и приобретать от него и от вхожих людей знатные подачки».

Об этом в том же роде свидетельствует на литовской Руси Владислав Сырокомля (Кондратович). «Кто жил по-шляхецки, и скромно, собирая зярко до зярка (зернышко к зернышку), талярк до талярка (талер к талеру) – таких домовитых, но скромных шляхтичей прислуга не любила и не уважала».

И на проездных трактах и в заездах прислуживающие люди были такие же сребролюбцы и жадники, и им надо было давать деньги не «по-шляхетски и скромно», а удивлять их подачками. «Зерцало» говорит в 21 правиле: «Проезжий отрок имеет *податливбыть*, а особливо к тем, которые ему услужили». Если же он был «неподатлив» к служающим, то мог ожидать обидных «издевок».

Те, которые ему сначала льстили, – потом за неподатливость над ним же «издевались». Тогда доходило до расправы, и хотя «отрок должен быть не дерзок и не драчлив» (22), но «когда кто чести его коснется или порекать учнет, то в таком случае уступки не бывает, но по нужде пременение закону дается» (23).

Любопытно бы знать: какой вес получало это применение закона для отрока, когда он по нужде чинился перед издевочниками драчлив, но не превосмогал их силою?.. Должно быть, ему иногда приходилось плохо...

Вообще, не видно, чтобы старые холопы нравы отличались почтением к скромности и бережливости людей высшего сословия, а в своем господине, которому служили, холопы любили то, чем могли бы кичиться, – почему, вероятно, еще и теперешние слуги почти всегда с гордостью объявляют, что они «служили у генералов».

«Зерцало» внушает тоже и другие очень хорошие и достойные приятия правила, – например, оно советует «ника-

кой лжи не говорить при прислуге», ибо чрез это слуги теряют к хозяевам уважение. «И (как заметят, что господин лжет), то, конечно, крестьянина лучше почтут, нежели дворянина, – отчего и ныне (1719 г.) случается, что охотнее мужику, нежели дворянину верят».

Обучение же служащих лжи и притворству, по замечанию известного современного проповедника Берсье, начинается с простого и мнимо невинного обычая приказывать своим слугам «говорить проходящим, что господ дома нет, тогда как они сидят у себя в покое». Знаменитый проповедник думает, что «лучше было бы говорить, что господин делами занят и принять не может, чем заставлять слугу лгать, а потом роптать на его лживость» (49).

«Слугам своим и челядинцам не должно давать злого приклада, и пред ними никакого соблазну не чинить (не напиваться и смехов не распускать) и ниже допускать, чтобы они всякими глупостями хозяину подлещались, как *обычно таковые люди делают*, но держать их в страхе и больше двух крат вины ни которому не спускать, ибо *лукавая лисица права своего не переменит*» (50). Вообще, «рабы по своему нраву *невежливы, упрямы, бесстыдливы и горды* бывают, и того ради надо их смирять, покорять и унижать» (51). «Не надлежит от слуги терпеть, чтобы он переговаривал или, как пес, не огрызался, ибо *слуги всегда хотят больше права иметь, нежели господин*» (52). Это выходит то же самое, на что и теперь более всего жалуются хозяева и в чем жалобы их под-

держивают газеты. В одном сатирическом журнале недавно была картинка, где служанка обижается, что ее госпожа «со всем ее нраву не потрафляет». «Когда кто меж своими слугами присматривает одного мятежника и заговорщика (против господ в то доброе время действовали и заговорами), то вскоре такого надо отослать, ибо от одной овцы паршивой все стадо пострадать может». «Зерцало» кончает о слугах с негодованием: «Нет того мерзостнее, как *убогий – гордый, нахальный и противный слуга*».

Приходилось, должно быть, господам за 150 лет не слаще нынешнего.

Эти выписки из книги, написанной с «живых прикладов» и опыта в научение людям, начинающим свою жизнь, кажется, должны быть достаточно убедительны для того, чтобы изменить ложное понятие о мнимо прекрасных свойствах старинной прислуги. Сделанные выписки могут восстановить истинную характеристику общего челядинского типа, каков он был за сто шестьдесят лет перед сим, когда прислуге «вы» не говорили. Узнать это теперь не будет излишним при нынешних желаниях сравнивать новую прислугу со старинною и воскресить старинные холопские добродетели. Пусть ничего не знающие суеверы и пустохвалы старины, о которой они не имеют нисколько верных понятий, – сообразят после того: было ли в действительности что-либо достожелательное и достолюбезное в том прошлом положении, о котором они тужат и к которому считали бы за счастье вернуться.

Теперь обратимся к проектам.

II

Сколько неосновательны стремления поправить дело во вкусе той старины, о которой люди, стремящиеся к ней, не имеют верного понятия, столь же непрактичными представляются и некоторые новые прожекты, предлагающие различные мероприятия в самоновейшем стиле. Теперь большой урожай на прожекты, и прожекты новых правил, как «обуздать прислугу», теперь сочиняются различными лицами «с воли». Они предлагают свои услуги настоящим дельцам или без всяких задних мыслей, – собственно по влечению сердца и по неутолимой жажде принести свою лепту на алтарь отечества, или же с желанием быть замеченными и «призванными к сему делу, с соответственным вознаграждением».

Между прожектами, исходящими от таких лиц, есть один очень любопытный. Прожект отличается оригинальностью и с первого раза кажется, как будто он написан дельцом в самом настоящем русском вкусе; но, к сожалению, если его разобрать и обсудить, то он весь начинает разваливаться и от него не остается ничего.

Известный мне прожект предлагает «установить отношения хозяев с прислугою не на сомнительной почве выгод, а на твердой основе страха Божия», причем «страх Божий» понимается сочинителем не так, как его следует понимать в широком смысле, а прямо в смысле устрашения или запугива-

ния.

«Беднейшим классам общества, откуда берется прислуга, – говорит проект, – надо внушить такой страх земных и загробных наказаний, чтобы люди боялись и подумать поступать против выгод хозяина». Застрашивать прислуг советуют Богом, Казанскою Его Матерью, огненными серафимами, также апостолом Павлом, повелевшим слугам повиноваться своим господам, и Иоанном-воином, возвращавшим владельцам бежавших от них рабов, а «в особенности пророком Илиею, которого простолюдины уважают за грозного и боятся его до такой степени, что нигде и ни за что в его день не работают».

Прожект этот трактует прислугу совершенно как детей, которых легко напугать и потом удерживать внушенным им страхом в определенной рамке. Быть может, это до известной степени и справедливо: Казанскую и Илью пророка некоторые простолюдины, действительно, боятся, но про Иоанна воина теперь уже мало знают. Но возможная вещь, что если почаще и пострашнее об этом говорить простолюдинам, то такие устрашения не останутся без влияния; только не следует ли опасаться, что прожект, написанный исключительно в пользу хозяев, к удивлению автора, более всего будет неудобен для самих же хозяев?

Мы позволим себе указать, где нам видится опасность.

Прожект исходит из того, не совсем бесспорного положения, будто «русский простолюдин воздерживается от всего

дурного *только* страхом Божьего наказания, которое ожидает встретить в сей или в будущей жизни, – иначе он сделался бы страшно нагл и дерзок и с ним невозможно было бы управляться». Это не совсем верно, или, по крайней мере, это неверно в отношении всех сектантов, известных в народе под именем «спасенных». Таковы молокане, штундисты и те, которые пошли в России от лорда Редстока и В. А. Пашкова. Людей этих довольно много. Все они верят, что они «спасены чрез свою веру во Христа, искупившего их Своею кровию», и потому нимало не боятся ни ада, ни Ильи пророка. Они верят, что Иисус Христос «их спас», а он «больше всех пророков». По этой вере они живут совсем, «яко неимущие страха», однако же, они не только не впадают в худшие пороки, чем другие прочие, но, по многим свидетельствам, отличаются примерным поведением.

Сектантов этого духа есть довольно между рабочими и между домашнею прислугою, и хозяева дорожат ими, как хорошими людьми. Стало быть, не напрасно ли так порочить весь русский народ, будто с ним *только* и можно управляться не добром, а страхом?

С другой стороны, мы видим огромное число русских простолюдинов, которые выросли под религиозным страхом и постоянно живут в нем: они соблюдают все, что им внушено, и твердо верят в Страшный суд, и в сатану, и в хождение по мукам, где дьяволы будут предъявлять на них «рукописания», а между тем это не безусловно ограждает их от укло-

нения от своих христианских обязанностей. Нередко случается даже, что эти строго наставленные люди совершают самые гнусные или самые зверские преступления, – и хотя они потом в этом каются, но нередко опять скоро падают.

Проект говорит: «Надо, чтобы церковь как можно чаще внушала черни строгие обуздания, – для чего и надлежит настоятельно требовать, чтобы хозяева посылали всех находящихся у них в услужении людей говеть и исповедаться, по крайней мере, по однажды в год, и затем не только не возбраняли бы им ходить по церковным службам, но даже сами бы о том напоминали и посылали, по крайней мере, непременно в вечер субботний ко всенощной и в день недельный к литургии, а за хозяевами, других исповеданий, содержащих у себя людей православных, – иметь надзор».

Нет сомнения, что люди, находящиеся в услужении, не откажутся пользоваться еженедельно такими отпусками в субботний вечер и в день недельный; но есть ли возможность ручаться, что все слуги, выйдя со двора, придут в церковь, а не пройдут мимо церкви и не очутятся в иных местах, не соответственных для молитвенных целей?

Далее, приходится сомневаться в том, что нынешние хозяева, у которых «скупость» или расчетливость теперь гораздо больше, чем в 1719 году, найдут возможность исполнить такое требование. Люди, у которых всего на все одна прислуга и она служит на весь дом и по всем должностям, без сомнения, встретят большое неудобство отпускать прислугу

два раза в неделю к богослужениям, ибо тогда хозяевам с целыми семьями, а иногда еще и с гостями, останется самим быть своими слугами.

Не следует ли опасаться, что это всего более не понравится самим нанимателям и породит новое, очень странное и неблагоприятное для русских людей положение: слуга католик, и лютеранин, и магометанин (из татар), которых не мало в самом Петербурге, и которых проект оставляет без усмотрения, – не окажутся ли более удобными, чем прислуга из людей православного вероисповедания, и тогда православных станут избегать или, по крайней мере, будут предпочитать им инославных и иноверцев, – а от этого цена прислуге из иноверцев возвысится, а люди из православных станут дешевле?

Вот вопросы, от которых невозможно отбиться человеку, знающему быт и нравы своей страны.

А потому-то упомянутый проект, кажется, надо считать неудачным, потому что, хотя он и благочестив, но он не благоискусен и не благоприменителен.

Впервые опубликовано – «Новости и биржевая газета», 1887.